

Ректор в моих снах

Саша Бездушная

Саша Бездушная

Ректор в моих снах

<https://litres.ru/74308918>

Аннотация

Она — следователь из Москвы, которая упала в яму, преследуя контрабандиста, а очнулась в магической академии с разбитой головой и без малейшего понятия, как отсюда выбраться.

Он — ректор этой академии, бывший дознаватель Разлома и обладатель ледяного взгляда, который (почти) не дрогнул, когда она станцевала перед ним стриптиз. Во сне. Теперь Анна Бэрроу официально зачислена на первый курс, носит джинсы в мире мантий, пытается не завалить экзамен по ментальной навигации и выясняет, почему при одной её фамилии ректор сжимает челюсть, а местные студенты шарахаются.

В перерывах между лекциями, допросами и ночными визитами ректора в её сны (исключительно для наблюдения, конечно) Анне предстоит выяснить: можно ли доверять мужчине, который поклялся уничтожить всё, что носит фамилию Бэрроу, но почему-то до сих пор не вышвырнул её из Академии?

- Троп «от ненависти до любви» — когда твоя фамилия звучит как проклятие, а он всё равно смотрит на тебя так, что забываешь дышать.

- Магический детектив с погонями, заговорами и артефактами.

- Горячие сцены, после которых хочется либо танцевать на пилоне, либо перечитать момент, где он встаёт перед ней на колени.

- Юмор, сарказм и героиня, которая не падает в обморок при виде опасности.

Вторая книга цикла "Академия Сомния". Читается самостоятельно, но удовольствие будет полнее, если вы уже знакомы с историей Алисы и Лекса.

Содержание

Глава 1. Не те сны, в которые можно входить без стука	5
Глава 2. Следователь по имени Аня	35
Визуалы	66
Глава 3. Договор.	67
Глава 4. Искушение ректора	97
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Глава 1. Не те сны, в которые можно входить без стука

Кабинет ректора Академии Сомния. Час ночи

Дарион Вэлл смотрел на спящую незнакомку и думал о том, что Вселенная обладает извращённым чувством юмора. Только он успел смириться с мыслью, что его личная жизнь будет состоять исключительно из заседаний кафедры, допросов в Разломе и редких ужинов в одиночестве, как судьба подбросила ему новую проблему. Проблема лежала на диване в его кабинете, дышала размеренно и ровно, и от неё пахло электричеством. Тем самым запахом, который бывает после грозы, когда молния ударяет слишком близко.

Вэлл обогнул диван и остановился у изголовья. Штатный целитель уже ушел, оставив короткое заключение: «Физически здорова. Магический фон отсутствует полностью. Сознание заблокировано — предположительно, последствия перемещения. Прогноз неопределённый». Последняя фраза была медицинским эквивалентом фразы «я понятия не имею, что с ней делать».

Девушка выглядела лет на двадцать — может, чуть стар-

ше. Черты лица были незнакомыми, но приятными: высокие скулы, темные брови вразлёт, упрямый подбородок. Волосы — короткие, пепельно-русые, взъерошенные, словно она только что вылезла из эпицентра урагана. Одежда, которую Мира и Киан описали как «странную», действительно была странной: синие брюки из плотной ткани, явно не ручной работы, белая рубашка без единой руны, и кроссовки — Вэлл никогда не видел такой обуви. Слишком сложная конструкция, слишком много слоёв подошвы. Как будто их создавали для чего-то большего, чем просто ходьба.

— Кто ты? — спросил он вслух.

Девушка не ответила. Она спала.

Вэлл вздохнул и оттянул ворот рубашки. В кабинете было душно, несмотря на открытое окно. Лето в Академии всегда наступало внезапно, без предупреждения, и сейчас, в начале июня, даже ночной воздух не приносил прохлады. Или это не лето. Это она. Её присутствие в комнате создавало странное, непривычное ощущение — словно давление изменилось, как перед грозой.

Он отошел к столу и открыл журнал. Тот самый, что прятался за фальшивым корешком «Истории ментальных эпидемий». Обмакнул перо в чернила — он всё ещё писал от

руки, старомодная привычка, от которой не мог избавиться — и начал запись.

«Объект: неизвестная, предположительно иномирянка. Обнаружена студентами Торн и Донованом у восточной башни в 21:47. Признаков магии не обнаружено. Речь в бессознательном состоянии — не соответствует ни одному известному языку Гегемонии. Остаточные эманации вокруг места обнаружения — неизвестного типа. Рекомендация: установить наблюдение, дождаться пробуждения, провести допрос».

Он отложил перо. Допрос. Какое идиотское слово. Как будто она преступница. Но другого слова не было — он действительно собирался её допросить. Потому что девушка, упавшая с неба в Академию, не могла быть случайностью. После истории с Бэрроу Вэлл знал точно: в этом мире не бывает случайностей. Только плохо продуманные планы и хорошо продуманные провокации.

Он снова посмотрел на диван.

Она не просыпалась. Прошло уже больше суток с тех пор, как Мира и Киан нашли её в парке. Целитель сказал, что это может продлиться долго — дни, недели, месяцы. Магическое истощение такого рода лечится только временем и покоем.

У него не было месяцев.

Вэлл встал и снова подошёл к дивану. Серебряный браслет на запястье — браслет матери, который он больше никогда не снимет — слабо завибрировал, ощущая чужое сознание так близко. Девушка была пустой. Не в смысле интеллекта — в смысле магического фона. У неё не было ауры. Совсем. Как у камня. Как у предмета. Но она дышала, её сердце билось, и где-то внутри этого тела жил разум. Разум, который видел сны.

Он мог войти в эти сны.

Это было нарушением. Грубейшим нарушением правил Академии, Ментального Кодекса, да и просто этики. Вторжение в подсознание без разрешения каралось исключением — для студентов. Для ректора это означало бы крах репутации и, возможно, снятие с должности. Но формально... Формально она не была студенткой. Она вообще не была гражданкой Гегемонии. На неё не распространялись законы Академии. И если он войдёт в её сон, чтобы выяснить, откуда она и представляет ли опасность, — это будет не вторжением. Это будет расследованием.

Вэлл потёр переносицу. Логика была безупречной. И лжи-

вой. Потому что на самом деле им двигало не только чувство долга. Ему было любопытно.

— Ладно, — сказал он вслух. — Считайте это оперативной необходимостью.

Он снял пиджак, аккуратно повесил его на спинку кресла и закатал рукава рубашки. Затем придвинул к дивану стул, сел и закрыл глаза.

Погружение в чужой сон всегда начиналось одинаково: с ощущения падения. Ментальное тело отделялось от физического, и мир вокруг сворачивался в воронку, чтобы через секунду развернуться заново — уже чужим ландшафтом. Вэлл ожидал чего угодно. Воспоминаний о родном мире — если он у неё был. Кошмаров — если её перемещение было травматичным. Абстрактных образов. Пустоты.

Он не ожидал того, что увидел.

Сон незнакомки был похож на взрыв. Нет, не так. На фейерверк. На салют. На всё сразу — яркий, хаотичный, совершенно безумный калейдоскоп красок и звуков, который обрушился на него, едва он переступил порог её подсознания.

Он стоял посреди огромного города, который не был по-

хож ни на один город Гегемонии. Здания — высоченные, стеклянные, уходящие шпилями в небо. Между ними — металлические мосты, по которым двигались странные механизмы без лошадей. Внизу, на улицах, кишела толпа — сотни, тысячи людей в одежде, похожей на ту, что была на ней. И всё это гудело, сверкало, переливалось огнями, словно сам город был живым существом.

— Ничего себе, — пробормотал Вэлл, оглядываясь.

Он видел много снов. За пять лет в Разломе он научился ориентироваться в любых подсознательных ландшафтах — от готических кошмаров до абстрактных геометрических лабиринтов. Но это... Это было что-то совершенно иное. Этот сон был слишком детальным. Слишком связным. Слишком реальным. Как будто его хозяйка не фантазировала, а вспоминала.

— Нравится? — раздался голос за спиной.

Он обернулся.

Она стояла в трёх шагах от него — и выглядела совсем не так, как на диване в его кабинете.

Во-первых, она не спала. Её глаза — он только сейчас по-

нял, что не видел их открытыми, — оказались ярко-зелёными, с золотистыми искорками вокруг зрачков. Они смотрели на него с любопытством и ещё с чем-то, что он не сразу распознал. С вызовом.

Во-вторых, она была одета. Вернее, почти одета. На ней был короткий топ, открывающий плоский живот и — Вэлл сглотнул — весьма выразительную грудь, и узкие шорты, которые подчёркивали длинные, стройные ноги. Ткань была лёгкой, полупрозрачной на свету, и он поспешно отвёл взгляд, но было поздно: она заметила.

— О, — протянула она, и её губы изогнулись в усмешке. — У нас тут джентльмен. Отвернулся. Как мило.

— Я не... — начал Вэлл, но осёкся. Потому что понял: она говорит на общем языке. Во сне. Значит, её подсознание уже адаптировалось. Значит, она быстрее, чем он думал.

— Ты не что? — она шагнула ближе, и он уловил тот самый запах — электричество и асфальт, только здесь, во сне, к нему примешивалось что-то ещё. Что-то тёплое и цветочное. — Не хотел подглядывать? А зачем тогда залез в мой сон?

— Я ректор Академии Сомния, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Вы были найдены без сознания

на территории Академии. Я здесь, чтобы выяснить, кто вы и откуда.

— Ректор, — повторила она, пробуя слово на вкус. — Звучит солидно. А я думала, ты просто плод моего воображения. Знаешь, иногда мозг выдаёт очень реалистичные картинки. Особенно когда ты в коме. Я в коме?

— Вы спите, — поправил он. — Глубоким сном. Магическое истощение.

— Магическое, — она снова усмехнулась. — Конечно. Магия. Потому что это сон. Или нет? — Она вдруг нахмурилась, и на её лице мелькнуло что-то похожее на тревогу. — Так, стоп. Давай по порядку. Ты — настоящий?

— Да.

— И ты реально залез в мою голову?

— Да.

— Без спросу?

— Это было необходимо для расследования.

Она посмотрела на него долгим, оценивающим взглядом. Потом вдруг улыбнулась — широко, открыто, сверкнув зубами.

— Обожаю. Мужик влез в мой сон без разрешения и говорит «необходимо для расследования». Знаешь, у нас за такое можно по морде получить.

— У вас? — тут же уцепился он. — Где это «у вас»?

Но она проигнорировала вопрос. Вместо этого она сделала ещё один шаг — и теперь между ними оставалось едва ли полметра. Вэлл произвольно отметил, что она высокая. Почти одного роста с ним.

— Слушай, господин ректор, — сказала она, и её голос вдруг стал ниже, интимнее. — Раз уж ты здесь, может, перестанем играть в допрос? Всё равно это мой сон. Здесь мои правила.

— Правила? — он приподнял бровь.

— Ну да. — Она лукаво улыбнулась. — Хочешь посмотреть?

И прежде чем он успел ответить, город вокруг них исчез.

Они оказались в комнате. В спальне. Огромная кровать с белоснежными простынями, приглушённый свет, тяжёлые шторы на окнах. И она — всё в том же топе и шортах — сидела на краю кровати, закинув ногу на ногу, и смотрела на него с весёлым любопытством.

— Неплохо, да? — сказала она. — Мой мозг умеет создавать уют.

Вэлл мысленно выругался. Он понял, что ситуация выходит из-под контроля. Он пришёл сюда за информацией, но вместо этого оказался в чужой фантазии. И хозяйка этой фантазии явно не собиралась облегчать ему задачу.

— Я здесь не для игр, — сказал он, стараясь сохранять ледяное спокойствие. — Я здесь, чтобы задать вопросы.

— Валяй, задавай. — Она откинулась на подушки, и её топ слегка задрался, открывая полоску загорелой кожи над поясом шорт. Вэлл заставил себя смотреть ей в глаза. — Но учти: я могу отвечать честно. Или не очень. Это же сон. Во сне все врут. Или никто не врёт. Я ещё не разобралась.

— Как вас зовут?

— Аня. Анна, если официально.

— Откуда вы?

— Из Москвы. — Она сказала это так, словно это всё объясняло.

Вэлл нахмурился. Москва. Он не знал такого города. Ни в одном из миров Гегемонии не было города с таким названием.

— Это где?

— Я так понимаю, ты не в курсе, где Россия?

— Россия?

— Ага. — Она села и подтянула колени к груди. — Планета Земля. Солнечная система. Млечный Путь. Что-нибудь из этого звучит знакомо?

Вэлл молчал. Планета. Земля. Млечный Путь. Слова были незнакомыми, но смысл угадывался. Она была не просто из другого мира. Она, кажется, была из другой Вселенной.

— Это многое объясняет, — сказал он наконец. — Отсут-

ствие ауры. Остаточные эманации. Ваша одежда.

— А что с моей одеждой? — она оскорбилась. — Нормальная одежда. Удобная.

— Она не похожа ни на что, что носят в Гегемонии.

— Гегемония — это ваш мир?

— Да.

— Крутое название. — Она снова улыбнулась. — Ну что, допрос окончен? Или будут ещё вопросы?

Вэлл открыл рот, чтобы задать следующий вопрос — о том, как она попала сюда, что она помнит, что было до того, как её нашли, — но не успел. Потому что в этот момент Аня поднялась с кровати и одним плавным движением стянула топ через голову.

Он замер.

— Что вы делаете? — выдавил он.

— Раздеваюсь, — сказала она невозмутимо, отбрасывая топ в сторону. — Жарко же.

На ней остался только кружевной бюстгальтер, который не столько скрывал, сколько подчёркивал. Вэлл отвёл взгляд. Его сердце, которое — он был уверен — давно разучилось реагировать на женское тело, забилося быстрее. Проклятие.

— Вы в моём сне, господин ректор, — пропела Аня, и её голос дразнил, искрился смехом. — А во сне люди часто бывают раздетыми. Это нормально. Вы когда-нибудь видели сны в костюме-тройке?

— Я не сплю голым, — сказал он, не узнавая собственный голос.

— Серьёзно? — она расхохоталась. — Боже мой, да ты ещё более зажатый, чем я думала. Ладно. — Она взяла с прикроватной тумбочки что-то, чего минуту назад там не было — шёлковый халат — и накинула на плечи. — Так лучше?

Он выдохнул.

— Значительно.

— Ну вот. А теперь иди сюда. — Она похлопала по кровати рядом с собой. — Садись. Я не кусаюсь.

— Я предпочту стоять.

— Как хочешь. — Она пожала плечами и снова откинулась на подушки. — Тогда расскажи мне про этот ваш мир. Я тут новенькая, мне интересно.

Это было ловушкой. Вэлл знал это. Она пыталась сменить тему, увести разговор от себя — классический приём, который он сам использовал сотни раз на допросах. Но сейчас, глядя на неё — растрёпанную, улыбающуюся, слишком живую для человека в коме, — он вдруг понял, что не хочет допрашивать. Он хочет говорить.

— Это долгая история, — сказал он.

— А мы никуда не торопимся, — она зевнула, прикрывая рот ладошкой. — Я всё равно сплю. Ты, наверное, тоже. Кстати, который час в реальности?

— Около часа ночи.

— О, значит, у тебя бессонница. Или трудоголизм. Или и то, и другое. — Она посмотрела на него с любопытством. — Слушай, а ты вообще отдыхаешь когда-нибудь? У тебя лицо человека, который не спал нормально лет десять.

— У меня ответственная работа.

— Ректор, — она кивнула. — Академия. Магия. Это всё звучит как начало плохого фэнтези-романа.

— Фэнтези?

— Жанр такой. У нас на Земле пишут книги про магию. Выдуманную. — Она хихикнула. — Похоже, не такую уж выдуманную.

Вэлл молчал. Он пытался переварить информацию. Она из мира, где магия — это фантастика. Где нет Академий, нет Разлома, нет Навигаторов и Стражей. Где люди не проникают в сны друг друга и не создают артефакты крови. И тем не менее она здесь. Каким-то чудом — или чьим-то злым умыслом — её выбросило в Гегемонию.

— Как вы сюда попали? — спросил он. — В Академию. В наш мир.

Аня перестала улыбаться. На секунду её лицо стало серьёзным, почти печальным.

— Я не знаю, — сказала она тихо. — Правда. Я шла по улице. Был дождь. А потом — вспышка. И темнота. А потом

— ты.

— Вы ничего не помните между вспышкой и сном?

— Ничего. Как будто кто-то выключил свет и включил снова. Только теперь я здесь, в магическом мире, и какой-то симпатичный мужчина в костюме допрашивает меня в моём собственном сне.

Вэлл мысленно отметил слово «симпатичный» и тут же велел себе не быть идиотом.

— Я не допрашиваю вас. Я пытаюсь понять, что произошло.

— А я пытаюсь понять, почему ты до сих пор стоишь у стены, как будто я заразная. — Она снова похлопала по кровати. — Расслабься. Я не собираюсь на тебя набрасываться. Хотя... — она окинула его оценивающим взглядом, — ты довольно привлекательный для ректора. У нас ректоры обычно старые и лысые.

— Мне тридцать два, — сказал он сухо.

— О, отлично. Самый сок. — Она ухмыльнулась. — Не бойся, это просто сон. Что может случиться во сне?

И вот тут всё и произошло.

Вэлл не понял, как это случилось. То ли её подсознание отреагировало на её же слова, то ли он сам — уставший, вымотанный, слишком давно лишённый простого человеческого тепла — потерял контроль. Но реальность сна качнулась, и он обнаружил, что стоит на коленях у края кровати. А она — она сидит перед ним, и её лицо совсем близко.

— Так-то лучше, — прошептала она.

Её пальцы коснулись его щеки. Легко, почти невесомо. Вэлл замер. От её кожи исходило тепло — настоящее, живое тепло, которое не могло быть иллюзией сна. Он уже не понимал, где заканчивается её подсознание и начинается его собственное.

— Знаешь что, господин ректор? — она наклонилась ещё ближе, и её дыхание зашепотало его ухо. — Я понимаю, что это мой сон. И я понимаю, что ты — настоящий человек, который залез в мою голову. Но мне плевать. Я чуть не умерла. Я оказалась в чужом мире. И сейчас, впервые за долгое время, мне не страшно. Потому что ты здесь. И ты смотришь на меня так...

— Как? — выдохнул он.

— Как будто я — самое интересное в твоей жизни

Она резко притянула его лицо руками и поцеловала. И это не было поцелуем из вежливости.

Вэлл, бывший дознаватель Разлома, мастер ментальной защиты, человек, который пережил семнадцать лет одиночества, который только что смирился с мыслью, что любовь — это не для него, — Вэлл потерял контроль.

Он ответил на поцелуй.

Её губы были мягкими. Тёплыми. Жадными. Она целовала его так, словно хотела выпить до дна, и он, к собственному ужасу, позволял ей это. Его руки — он не заметил, когда это произошло, — легли на её талию, коснулись обнажённой кожи под коротким топом, и она застонала ему в губы.

— Вот так, — прошептала она, отрываясь на секунду. — А ты не такой уж и ледяной, да?

— Вы играете с огнём, — сказал он хрипло, сам не понимая, угроза это или предупреждение.

— Я люблю огонь.

В следующий момент она уже полулежала на кровати, увлекая его за собой. Её рубашка — точнее, то, что от неё осталось, — сползла с плеч. Халат распахнулся. И он увидел её почти обнажённой — только кружевное бельё, подчёркивающее все изгибы её тела, и гладкая, загорелая кожа, по которой ему вдруг захотелось провести ладонью.

— Нравится? — спросила она с лёгкой усмешкой, перехватывая его взгляд.

— Вы невозможны, — выдавил он.

Она снова притянула его к себе, и их губы встретились — на этот раз более жадно, более требовательно. Её руки скользнули под его рубашку, и он вздрогнул от прикосновения её горячих пальцев к своей коже. Это было неправильно. Абсолютно, катастрофически неправильно.. И он не имеет права...

Но какое это имело значение во сне?

— Знаешь, что я думаю? — прошептала она, и её дыхание обожгло его шею. — Я думаю, тебе это нужно не меньше, чем мне. Давай просто расслабимся.

— Вы не можете...

— Я много чего не могу. Но я хочу. А во сне, знаешь ли, можно всё.

Её ноги обвились вокруг его бёдер. Её пальцы скользнули к ремню его брюк. Ещё секунда — и он бы сдался. Просто перестал думать. Просто стал бы мужчиной, которого впервые за долгие годы коснулась женщина. По своей собственной инициативе.

И тут сон треснул.

Буквально. Как зеркало, по которому ударили молотком. По стенам спальни побежали трещины, и Аня вскрикнула — на этот раз не от удовольствия, а от боли.

— Что... — начала она.

— Сон рушится, — Вэлл резко отстранился от неё. Его профессиональные рефлексy включились мгновенно. — Вы просыпаетесь. Или...

Или что-то происходит в реальности. Что-то, что прерывает её сон.

— Я не хочу просыпаться! — в её голосе прозвучала почти детская обида. — Только всё стало интересно!

— Мы встретимся, — сказал он, поднимаясь и пытаясь привести одежду в порядок. — В реальности. Я обещаю.

— Обещаешь? — она посмотрела на него, и в её зелёных глазах мелькнула надежда. — Смотри, не обмани. А то я обижусь. А я в обиде страшная.

— Я не обманываю.

— Посмотрим. — Она улыбнулась — всё ещё соблазнительно, но теперь к улыбке примешивалась грусть. — Тогда до встречи, господин ректор. И спасибо за сон.

Она помахала ему рукой, и в этот момент спальня окончательно растаяла, оставляя его в пустоте. А через секунду Вэлл открыл глаза в своём кабинете.

Утро только занималось. Солнце ещё не взошло, но небо за окнами уже начало сереть. Он сидел на стуле у дивана, в рубашке, расстёгнутой у ворота, с бешено колотящимся сердцем и таким ощущением, будто его окунули в горячую воду, а потом сразу в ледяную.

Она всё ещё спала. Но что-то изменилось. Её дыхание было уже не таким глубоким, как раньше. Веки дрожали. Губы шевелились, словно она пыталась что-то сказать.

Вэлл наклонился ближе.

— Тише, — прошептал он. — Вы в безопасности. Спите.

Она затихла. И улыбнулась. Во сне. Как будто слышала его.

Вэлл откинулся на спинку стула и закрыл лицо руками.

— Дурак, — сказал он себе в который раз за эту неделю.
— Ты абсолютный дурак.

Потому что он только что влез в сон незнакомки, нарушил около дюжины профессиональных правил, чуть не переспал с ней в её же подсознании и, кажется, пообещал встретиться с ней, когда она проснётся.

В дверь постучали — три коротких удара, которые он знал наизусть.

— Войдите, — сказал он, выпрямляясь и пытаясь придать

лицу выражение ректорской невозмутимости.

Дверь открылась, и в кабинет вошли двое. Мира Торн,правляющая на носу очки в золотой оправе, и Киан Донован, который, как всегда, пытался держаться с ней рядом, но при этом выглядеть независимо.

— Доброе утро, магистр Вэлл, — начала Мира. — Мы пришли провести нашу находку. Как она?

— Без изменений, — ответил он, и это было почти правдой. — Спит.

Мира подошла к дивану и склонилась над девушкой. Киан остался стоять у двери, но его взгляд был прикован не к пациентке, а к ректору.

— Выглядите так, будто не спали всю ночь, — заметил он с той бесцеремонностью, которая была его отличительной чертой.

— У меня было много работы.

— Работы. Конечно. — Киан хмыкнул. — Знаем мы эту работу. Сидеть в темноте и гипнотизировать спящих девушек.

— Киан! — одёрнула его Мира. — Что за неуместные шутки?

— Это не шутки, — он пожал плечами. — Просто наблюдение. У ректора воротник расстёгнут и волосы взъерошены. Выводы делайте сами.

Вэлл мысленно досчитал до десяти. Киан Донован был талантливым Стражем, но его язык часто опережал его мозг.

— Студент Донован, — сказал он ледяным тоном, — если у вас есть лишнее время для наблюдений, возможно, вам стоит потратить его на тренировку. Ваш последний норматив по ментальной защите был ниже среднего.

— Это неправда! — возмутился Киан. — Я сдал на четыре!

— На четыре с минусом. Минус — за болтовню.

Мира фыркнула, прикрывая рот ладонью. Киан обиженно замолчал.

— На самом деле, — сказала Мира, поворачиваясь к ректору, — мы пришли не только проведать. У нас есть инфор-

мация.

— Какая?

— Я покопалась в архиве, — она поправила очки. — В прошлый раз, когда Разлом был активен, были зафиксированы случаи межмировых перемещений. Правда, единичные. И все — в старых хрониках, ещё до основания Академии.

— И?

— И там упоминается похожий случай. Девушка без ауры. Упала буквально с неба. Её нашли в таком же состоянии — глубокий сон без возможности разбудить.

Вэлл подался вперёд.

— И чем закончилось?

— Она проснулась. Через три дня. — Мира сделала паузу. — И оказалась ключом к закрытию Разлома. На время.

В кабинете повисла тишина.

— Три дня, — повторил Вэлл, глядя на спящую Аню. — Значит, ждать ещё двое суток.

— Если повезёт. В хрониках не сказано, что все иномиряне просыпаются. Некоторые спят годами. Некоторые не просыпаются вообще. Но если она проснётся.

— Её нужно будет допросить, — закончил Вэлл. — И выяснить, как она связана с Разломом.

— Именно.

Киан, который до этого изображал статую у двери, вдруг оживился.

— Слушайте, а можно вопрос? Вот эта девушка — она из другого мира, да? Совсем из другого? Где нет магии?

— Предположительно, — кивнула Мира.

— И она ничего не знает о Сомнии? О Навигаторах? О Стражах?

— Скорее всего, нет.

— Значит, — Киан расплылся в улыбке, — её нужно будет всему учить. Как ребёнка. Только взрослого. И симпатичного. — Он покосился на Миру. — Тебе не кажется, что это

звучит как идеальный сюжет для романтической комедии?

— Мне кажется, — Мира холодно посмотрела на него, — что ты опять думаешь не тем местом.

— Я думаю сердцем!

— У тебя нет сердца. У тебя есть эго размером с особняк.

— Это комплимент?

— Это диагноз.

Вэлл кашлянул, прерывая их перепалку.

— Студентка Торн, студент Донован. Спасибо за информацию. А теперь — оставьте меня. Мне нужно подумать.

Мира кивнула и направилась к выходу. Киан последовал за ней, но у двери обернулся.

— Магистр Вэлл, — сказал он негромко, чтобы Мира не слышала. — Я, конечно, шучу постоянно. Но если вам нужна будет помощь — с этой девушкой или вообще — вы знаете, где нас найти. Мы команда. Помните?

Вэлл посмотрел на него. На этого рыжего парня, который ещё полгода назад был просто студентом, а теперь — частью чего-то большего. Частью странной, нелепой, но преданной команды, которая спасла Академию.

— Помню, — сказал он. — Спасибо.

Вэлл остался один. Вернее, не совсем один. Девушка на диване всё ещё спала, и её лицо было безмятежным, как у ребёнка.

Он подошёл к окну и посмотрел на рассвет. Где-то там, за горизонтом, Разлом всё ещё был активен. Где-то там, возможно, уже зрели новые угрозы. А здесь, в его кабинете, лежала девушка из другого мира, которая во сне чуть не соблазнила его.

Он всё ещё чувствовал её запах. Электричество и асфальт.

И цветы.

— Аня, — произнёс он, пробуя имя на вкус. — Анна из Москвы. С планеты Земля.

Имя было странным. Чужим. Но оно ему нравилось.

Он вернулся к столу и открыл дневник. Обмакнул перо и добавил к вчерашней записи:

«Дополнение: объект идентифицировал себя как «Аня» (Анна). Родной мир — «Земля», город «Москва». Магия в её мире считается вымыслом. Перемещение произошло мгновенно, обстоятельств не помнит. Сознание адаптируется быстро, владеет языком во сне. Характер: дерзкий, любопытный, возможно — манипулятивный. Представляет интерес».

Он помедлил. Потом добавил:

«Личное: не повторять ошибку. Не сближаться. Не допускать эмоциональной вовлечённости».

Он перечитал последнюю фразу и мрачно усмехнулся. Кого он обманывал? Эмоциональная вовлечённость уже произошла. В тот момент, когда она поцеловала его в своём сне, он перестал быть просто дознавателем. Он стал — кем? Участником? Жертвой? Сообщником?

Время покажет.

Он закрыл дневник, запер его в ящик стола и приготовился ждать. Двое суток. Может, больше. Но он умел ждать.

Этому его научили в Разломе.

Где-то далеко, в восточном крыле Академии, Мира Торн и Киан Донован шли по коридору и спорили о чём-то — как всегда. Где-то ещё дальше, в общежитии, Алиса и Лекс просыпались в одной постели, и их утро начиналось с улыбок. Жизнь Академии текла своим чередом.

А Ректор Дарион Вэлл сидел у окна, смотрел на рассвет и думал о девушке, которая упала с неба.

Глава 2. Следователь по имени Аня

Глава 2. Следователь по имени Аня

Москва. Три днями ранее.

Знаете, что самое паршивое в работе следователя? Нет, не трупы. К трупам привыкаешь. И не начальство, которое требует раскрываемости, как будто преступники — это посылки, которые доставляют по расписанию. Самое паршивое — это когда ты сидишь в засаде пятый час, у тебя затекло всё, что может затекать, а кофе в термосе закончился ещё два часа назад.

Я сидела в старой «Ладе», припаркованной у подъезда хрущёвки на окраине Москвы, и мечтала о трёх вещах: горячей ванне, пицце с пепперони и убийстве того умника, который придумал ночные дежурства. Ладно, может, не об убийстве. Но о членовредительстве — точно.

— Бэрроу, ты как там? — протрещал голос в рации. — Не уснула?

— Мазовецкий, если я усну, ты узнаешь об этом по храпу, — отозвалась я, перехватывая рацию поудобнее. — Что там

твой объект?

— Сидит. Телевизор смотрит. Кажется, футбол.

— Отлично. Мой тоже сидит. И тоже, кажется, смотрит футбол. Может, они один и тот же матч смотрят? Созвонились бы, обсудили.

— Бэрроу, ты опять ёрничаешь.

— Это защитная реакция. Когда я не ёрничаю, я начинаю думать о смысле жизни. А это до добра не доводит.

Серёга Мазовецкий хмыкнул в рацию и замолчал. Мы работали в паре уже три года, и он давно привык к моему чувству юмора. Или смирился с ним. Или просто забил — что, в общем-то, одно и то же.

Меня зовут Анна Бэрроу. Да, фамилия странная. Нет, я не знаю, откуда она взялась. Бабушка говорила, что наш род откуда-то из Восточной Европы, но документы сгорели во время войны, так что теперь мы просто Бэрроу — загадочно, звучно и без лишних объяснений. В школе меня дразнили «бараном», но я быстро научилась отвечать так, что дразниться переставали. Язык у меня острый, а характер — ещё острее. Мама говорит, что это наследственное. Я ей верю.

Работа следователя — это, по большому счёту, ходьба по минному полю в тёмных очках. Иногда мины взрываются. Иногда — нет. Но ты никогда не знаешь заранее, где именно рванёт. Вот и сегодня: мы сидели в засаде на двух подозреваемых по делу о контрабанде антиквариата. Ничего особенного — просто два мужика, которые решили, что продавать краденые артефакты за границу веселее, чем работать на заводе. Честно говоря, я их понимала: работать на заводе скучно. Но закон есть закон.

— Бэрроу! — снова ожила рация. — Объект вышел!

Я встрепенулась. Мой подозреваемый — мужчина лет пятидесяти, с брюшком и залысинами — действительно выходил из подъезда. В одной руке у него была спортивная сумка, в другой — зонт, хотя дождя не было. Странно.

— Вижу. Сумка при нём.

— Мой тоже выходит. Встречаются у сквера?

— Похоже на то. Выдвигаюсь.

Я выскользнула из машины и двинулась за объектом, стараясь держаться в тени. Вечерняя Москва гудела вокруг: где-

то орала сигнализация, пахло шаурмой и бензином, по тротуару, шатаясь, шла компания студентов. Обычный вечер. Обычный город. Обычная жизнь.

Тогда я ещё не знала, что это мой последний обычный вечер.

Объект свернул в сквер. Я — за ним. Сквер был пустым: старые липы, покосившаяся скамейка, одинокий фонарь, который мигал, как на дискотеке. Второй подозреваемый уже ждал его там. Я спряталась за стволом липы и включила диктофон.

— Принёс? — спросил первый.

— Принёс. Деньги?

— Сначала товар.

Второй нехотя расстегнул сумку. Я приподнялась на цыпочки, пытаюсь разглядеть, что внутри. И в этот момент фонарь мигнул особенно ярко, и свет упал прямо на лицо моего объекта.

Наверное, это было случайностью. Или судьбой. Или чьим-то злым умыслом. Но именно в эту секунду всё пошло

не так.

— Там кто-то есть! — рывкнул первый, и я поняла, что он смотрит прямо на меня.

— Стоять! Полиция! — крикнула я, выскакивая из-за дерева.

Дальше — как в тумане. Второй бросился бежать. Первый — за ним. Я — за ними. Мы неслись через сквер, через дворы, через какие-то гаражи. Сзади пыхтел Мазовецкий, но он был старше меня на десять лет и явно уступал в спринте. Я же была в отличной форме — сказались годы занятий стрипластикой, которые начались как хобби, а превратились в настоящую страсть. Да, следователь Анна Бэрроу танцует на пилоне. И да, я это обожаю. Это помогает сбрасывать стресс после допросов, засад и прочей служебной романтики. А ещё это даёт отличную растяжку и чувство собственного тела — что, кстати, очень помогает, когда нужно перелезть через забор или выбить ногой дверь.

Но сейчас было не до танцев. Сейчас была погоня.

Я догнала первого подозреваемого у какого-то недостроенного здания. Он попытался ударить меня сумкой, но я ушла в сторону и провела классический захват — рука за

спину, лицом в стену.

— Попался, красавчик, — выдохнула я ему в ухо, защёлкивая наручники.

— Дура, — прохрипел он. — Ты не понимаешь, во что влезла.

— О, поверь, мне это каждый второй говорит.

Я уже собиралась толкнуть его к подъехавшей машине, когда заметила вторую тень. Вторым подозреваемый не убежал далеко. Он стоял в десяти метрах, и в его руке что-то блеснуло.

Нож. Отлично.

— Мазовецкий, у него нож! — крикнула я, но мой напарник ещё не добежал.

Мужик с ножом двинулся на меня. Я толкнула задержанного на землю и встала в стойку. Рукопашный бой у нас был на четвёртом курсе, и я его, честно говоря, проспала. Но кое-что помнила.

— Брось нож, — сказала я. — Иначе будет больно.

— Тебе, — оскалился он.

Он кинулся на меня — и мир превратился в серию коротких, рваных кадров. Удар. Блок. Ещё удар. Я отбила его руку, но он оказался быстрее, чем я думала. Лезвие скользнуло по моему плечу, распарывая куртку и оставляя царапину. Я вскрикнула — больше от неожиданности, чем от боли, — и в этот момент моя нога потеряла опору.

Под ногами была какая-то яма. Или люк. Или вообще непонятно что — в темноте я не разглядела. Я поскользнулась, попыталась ухватиться за край, но пальцы сорвались. И я полетела вниз.

Последнее, что я увидела перед тем, как темнота поглотила меня, — это лицо Мазовецкого, склонившееся над ямой, и его крик:

— Бэрроу! Бэрроу, ты жива?!

А потом — ничего.

Пробуждение

Голова болела так, будто по ней проехал грузовик. Снача-

ла — медленно, потом — сдал назад и проехал ещё раз для верности. Я лежала на чём-то твёрдом и пыталась понять, кто я, где я и зачем мне всё это.

Анна Бэрроу. Следователь. Москва. Двадцать четыре года. Любимое блюдо — пельмени. Любимая книга — «Алиса в Стране чудес» (и да, я вижу иронию). Любимое занятие — танцы. Нелюбимое занятие — лежать с разбитой головой в непонятном месте.

Стоп. А где я, собственно?

Я открыла глаза — и тут же пожалела об этом. Свет резанул по зрачкам, вызывая новую волну боли. Я застонала и попыталась сесть, но чьи-то руки мягко удержали меня на месте.

— Тише. Вам нельзя двигаться.

Голос был женским, приятным, с каким-то странным акцентом. Я скосила глаза и увидела девушку в очках с золотой оправой. Короткие чёрные волосы, умные карие глаза, родинка над левой бровью. Она смотрела на меня с любопытством, смешанным с профессиональной озабоченностью.

— Где я? — прохрипела я. Собственный голос показался

мне чужим.

— В Академии Сомния, — ответила девушка. — Меня зовут Мира Торн. Я... — она замялась, — одна из тех, кто вас нашёл.

— Нашёл? — я нахмурилась и тут же пожалела об этом: боль в виске отозвалась новой вспышкой. — Где «нашёл»? Что случилось? Почему у меня голова раскалывается?

— Вы упали, — сказала Мира. — Или... — она снова замялась, — вас выбросило. Мы пока не знаем точно.

— Выбросило? Откуда?

— Из вашего мира. Предположительно.

Я закрыла глаза. Господи, как же болит голова. Из моего мира. Предположительно. Самое подходящее слово для ситуации, когда ты просыпаешься не в московской больнице, а в какой-то «Академии Сомния», о которой ты никогда не слышала.

— Ладно, — сказала я, не открывая глаз. — Давайте по порядку. Я попала в другой мир?

— Похоже на то.

— И меня нашли в кустах?

— Возле восточной башни. С разбитой головой.

— Отлично. Просто отлично. — Я открыла глаза и попыталась улыбнуться, но получилось, кажется, криво. — Знаете, я всегда мечтала попасть в параллельный мир. Правда, в моих мечтах это выглядело иначе. Там были единороги. И шампанское. И красавчик-принц на белом коне.

Мира приподняла бровь:

— Единорогов нет. Шампанское, вероятно, найдётся. А насчёт принца... — она покосилась куда-то в сторону, — это как повезёт.

Я проследила за её взглядом и только сейчас заметила, что мы не одни. В комнате — судя по всему, кабинете — было ещё двое. Один — высокий рыжий парень с нахальной улыбкой, который сидел на подлокотнике кресла и откровенно разглядывал меня. Второй...

Второй стоял у окна, и когда он обернулся, у меня перехватило дыхание.

Высокий. Широкоплечий. Чёрный костюм, белая рубашка, волосы зачёсаны назад — тёмные, почти чёрные. Острые скулы, твёрдый подбородок, серые глаза. И взгляд. Взгляд профессионала, который привык оценивать людей за секунду и никогда не ошибается.

Чёрт. Вот это мужчина.

— О, — сказала я, всё ещё пытаюсь шутить, потому что это была моя единственная защита перед лицом полной неизвестности, — а вот, кажется, и принц.

Рыжий парень фыркнул. Девушка — Мира — подавила улыбку. А мужчина у окна, ничуть не смутившись, спокойно ответил:

— Скорее уж король. И это вы, Анна, вторглись в моё королевство без приглашения.

Ах, вот как. Значит, он знает моё имя. И он тут главный. И он — тот самый мужчина из моего сна.

Потому что я помнила. Сон — яркий, детальный, до мурашек реалистичный. Город, которого не существует. Спальня. И он — стоящий слишком близко. Помнила его запах:

гроза и табак. Помнила, как дразнила его. Помнила, как он смотрел на меня, когда я стянула топ. Помнила, как мы целовались. Чёрт, я помнила всё.

И теперь этот самый мужчина стоял передо мной — не во сне, а наяву — и говорил, что это я вторглась в его владения.

Отлично. Просто отлично.

Я села на диване (на этот раз никто не пытался меня остановить) и поправила волосы. Голова всё ещё болела, но адреналин уже перебивал боль. Я смотрела на этого «короля» — и улыбалась. Потому что я, Анна Бэрроу, никогда не теряюсь. Даже когда просыпаюсь в чужом мире с разбитой головой.

— Значит, так, Ваше Величество, — сказала я. — Во-первых, я никуда не вторгалась. Я вообще упала в яму, преследуя контрабандиста. Если ваш мир — это яма, то у вас проблемы с благоустройством. Во-вторых, если я правильно понимаю, вы тут главный, и именно вы отвечаете за то, чтобы новоприбывшие не умирали от сотрясения мозга. Так что распорядитесь, пожалуйста, принести мне кофе. Или чай. Или что у вас тут пьют. И в-третьих...

Я сделала паузу.

— В-третьих, не могли бы вы представиться? А то как-то неудобно: вы моё имя знаете, а я ваше — нет. Хотя мы с вами, кажется, уже встречались. В очень интимной обстановке.

В комнате повисла тишина. Рыжий парень сдавленно закашлялся. Мира поправила очки, и на её лице отразилась целая гамма эмоций: от удивления до профессионального любопытства. А мужчина в чёрном костюме — тот самый, из сна, — посмотрел на меня так, словно я только что бросила ему вызов. И принял его.

— Дарион Вэлл, — сказал он. — Ректор Академии Сомния. И да, мы встречались.

— О! — я картинно приложила руку к груди. — Ректор! Так вы не король. Вы что-то вроде директора. Что ж, скромно. Мне нравится.

— Я не директор, — в его голосе мелькнуло что-то похожее на смех. — Но да, что-то вроде.

— И вы залезли в мой сон без спросу. Это, знаете ли, подсудное дело. В моём мире, по крайней мере.

— В вашем мире нет магии, — парировал он. — Значит,

нет и закона о вторжении в сон.

— Туше. — Я улыбнулась. — Ладно, ректор Вэлл. Давайте начистоту. Я ничего не понимаю. Я не знаю, как здесь оказалась. У меня болит голова. И я, кажется, видела очень странный сон с вашим участием, который, судя по вашему лицу, был вовсе не сном. Вы можете мне что-нибудь объяснить? Желательно — без загадок? А то я следователь, а следователи, знаете ли, не любят загадок. Мы предпочитаем факты.

Вэлл посмотрел на меня — долгим, изучающим взглядом. Потом кивнул:

— Факты таковы. Вы находитесь в мире, который называется Гегемония. В Академии Сомния — главном учебном заведении для магов, работающих со снами. Вы были найдены без сознания трое суток назад. Ваше появление здесь — загадка, которую мы пока не разгадали. И — да, я проник в ваш сон, чтобы получить информацию. То, что произошло во сне... — он сделал паузу, — не входило в мои планы.

— Не входило в планы, — повторила я. — Понятно. То есть я соблазнила вас случайно?

Рыжий парень снова закашлялся. На этот раз — откровенно давясь смехом. Мира шикнула на него. Вэлл даже не

моргнул.

— Я бы назвал это иначе.

— Как именно?

— Взаимным превышением полномочий.

Я рассмеялась. Честное слово, не сдержалась. Этот мужчина — в строгом костюме, с ледяным взглядом, ректор магической Академии — только что назвал наш поцелуй во сне «взаимным превышением полномочий». Это было так бюрократично и в то же время так самоиронично, что я просто не могла не оценить.

— Ладно, — сказала я, отсмеявшись. — Мне это нравится. «Взаимное превышение полномочий». Запомню.

— Я рад, что вас это забавляет, — сухо произнёс Вэлл, но уголки его губ дрогнули.

— Меня многое забавляет. Я вообще весёлый человек. Когда у меня не разбита голова.

Я снова потрогала висок. Боль понемногу отступала, уступая место глухой пульсации. Я огляделась. Кабинет был

огромным — книжные шкафы, массивный стол, модель какой-то системы под потолком. И запах — тот самый, из сна. Гроза и табак. И ещё что-то, чего я не узнала.

— А знаете, — сказала я задумчиво, — у меня сейчас очень странное чувство. Как будто я должна быть в панике. Должна кричать «где я?» и «верните меня домой!». Но вместо этого я сижу тут, болтаю с вами и чувствую себя... нормально? Даже хорошо?

— Это защитная реакция психики, — сказала Мира. — Шок, вытеснение, отрицание. Очень распространённое явление у...

— У попаданцев? — подсказала я. — Я читала такое. В книгах. Фэнтези. Только там обычно героиня просыпается в теле принцессы или, на худой конец, служанки. А не в собственном теле, с собственной разбитой головой и в странной компании.

— Вам не нравится компания? — обиженно спросил рыжий. — Я, между прочим, очень хорошая компания.

— Я этого не говорила. — Я посмотрела на него. — Вы, кстати, тоже не представились.

— Киан Донован, — он отвесил шутовской полупоклон.
— Лучший Страж Академии. По совместительству — надежда и опора. Ну и просто красавчик.

— Страж?

— Ну да. Защищаю людей в снах. Ну, или защищал, пока не появились вы и не отвлекли всё внимание на себя.

— Киан! — одёрнула Мира. — Что ты несёшь?

— Правду! Чистую правду! Она три дня тут лежала, а ректор Вэлл почти не спал. Всё сидел и...

— Достаточно, — перебил Вэлл ледяным тоном.

Киан осёкся, но на его лице всё ещё играла улыбка. Я перевела взгляд с него на ректора. «Почти не спал»? «Всё сидел»? Интересно. Очень интересно. Значит, я ему небезразлична. Или это профессиональный интерес. Или и то, и другое.

— Ладно, — сказала я, спуская ноги с дивана. — Спасибо за информацию. Теперь у меня есть ещё примерно миллион вопросов, но, кажется, самое важное я поняла. Я в другом мире. Это Академия. Тут есть магия. Я — попаданка.

Я оглядела всех троих и вдруг вспомнила, что мы так и не закончили формальности. Я взглянула на ректора и добавила:

— Вы знаете моё имя. Вы знаете, что я из другого мира. Вы даже знаете, как я целуюсь — благодаря вашему несанкционированному проникновению в мою голову. Но я так и не представилась официально.

Я встала с дивана. Голова немного кружилась, но ноги держали. Я одёрнула больничную рубашку, в которую меня кто-то заботливо передел, и шутовски поклонилась.

— Анна Бэрроу. Следователь Московского уголовного розыска. Двадцать четыре года. Не замужем. Вредных привычек нет, если не считать сарказм.

И в этот момент что-то изменилось.

Сначала я не поняла, что произошло. Просто воздух в комнате вдруг стал холоднее. Намного холоднее. Киан перестал улыбаться. Мира замерла с приоткрытым ртом. А ректор...

Ректор смотрел на меня так, словно я только что произ-

несла запретное слово. Его серые глаза, только что спокойные и чуть насмешливые, превратились в лёд. Нет, в сталь. Холодную, острую сталь клинка, который уже наполовину вынут из ножен.

— Повторите, — сказал он. Это был не вопрос. Это был приказ. Голос низкий, рокочущий, совершенно лишённый каких-либо эмоций, кроме одной. Ярости.

Я нахмурилась.

— Анна Бэрроу. А что такое? Фамилия не нравится? Могу предложить девичью фамилию мамы, но она тоже не сахар — Загогулина. Так что Бэрроу — это ещё...

— Бэрроу, — перебил он, и в его устах моя фамилия прозвучала как ругательство. Как проклятие.

Он шагнул ко мне. Киан, который только что балагурил, мгновенно оказался между нами — Страж, защитник, — но Вэлл даже не взглянул на него. Его взгляд был прикован ко мне. И в этом взгляде плескалось что-то тёмное, опасное. Что-то, похожее на ненависть. Или боль. Или и то, и другое.

— Магистр Вэлл, — быстро заговорила Мира, делая шаг вперёд, — возможно, это совпадение. Бэрроу — фамилия не

такая уж редкая. В конце концов...

— Совпадений не бывает, — отрезал Вэлл. — Вы это знаете.

— Я ничего не знаю! — вскинулась я. — Что, чёрт возьми, происходит?! Почему вы на меня так смотрите, будто я лично сожгла вашу Академию?

— Вы — Бэрроу, — произнёс он так, словно это всё объясняло.

— Да, Бэрроу! И что с того?! Это всего лишь фамилия! Мне её бабушка передала! Я не выбирала!

— Ваша бабушка, — его голос стал тише, но от этого только страшнее. — Откуда она? Как её звали?

— Откуда она... да откуда я знаю? Из Прибалтики, кажется. Или из Польши. У нас все документы сгорели, я же говорю! А звали её Эльга. Эльга Бэрроу.

Он замер. На секунду — всего на одну секунду — его лицо дрогнуло. Что-то мелькнуло в серых глазах. Узнавание? Ужас? Но тут же маска вернулась обратно — ещё более холодная, ещё более непроницаемая.

— Эльга Бэрроу, — повторил он. — Сестра Алана Бэрроу. Пропала без вести. Считалась погибшей.

— Кто такой Алан Бэрроу? — спросила я, уже понимая, что ответ мне не понравится.

Вэлл посмотрел на меня взглядом, от которого кровь стыла в жилах.

— Человек, который убил мою мать. Человек, который пытался уничтожить эту Академию. Человек, которого я уничтожил несколько дней назад.

В комнате повисла такая тишина, что я слышала собственное сердцебиение. Несколько дней назад. Примерно тогда же, когда я упала в яму в Москве.

— Так, — сказала я, отступая на шаг. — Давайте разберёмся. Вы утверждаете, что моя бабушка — сестра какого-то злодея, которого вы победили несколько дней назад. И что я — родственница этого злодея.

— Именно.

— И поэтому вы на меня злитесь? Потому что у меня фа-

милия Бэрроу?

— Я не злюсь, — процедил он сквозь зубы. — Я пытаюсь понять, какова вероятность того, что через несколько дней после уничтожения Алана Бэрроу в моей Академии появится его племянница. Из другого мира. Без ауры. С разбитой головой.

— И вы думаете, что я — что? Подсыл? Шпионка? Месть с того света?

— Я думаю, что вы — неизвестная переменная, — отрезал он. — А неизвестные переменные в моей Академии имеют свойство взрываться.

Я открыла рот, чтобы возразить, но осеклась. Потому что, положив руку на сердце, если бы я была на его месте, я бы думала точно так же. Четыре дня назад он победил врага. И тут же появляюсь я — с той же фамилией, из ниоткуда, без объяснимой причины. Слишком подозрительно. Слишком вовремя.

— Ладно, — сказала я, пытаюсь сохранить спокойствие. — Я понимаю, как это выглядит. Вы победили злодея. Я — с той же фамилией — появляюсь у вас. Вы думаете, я могу быть угрозой. Это логично.

— Рад, что вы это понимаете.

— Но есть одна проблема, ректор Вэлл.

— Какая же?

— Я не знаю вашего Бэрроу. Я не знаю вашу Академию. Я понятия не имею, что здесь произошло. Я просто упала в яму, преследуя контрабандиста в Москве, а очнулась здесь. С разбитой головой, в чужой одежде и с вашим недовольным лицом перед глазами. Я не шпионка. Я не мстительница. Я — следователь, который хочет понять, что случилось, и вернуться домой. Вот и всё.

Я скрестила руки на груди и посмотрела ему прямо в глаза. Вэлл выдержал мой взгляд. Его лицо всё ещё было холодным, но что-то в нём изменилось. Как будто он заново оценивал меня.

— Допустим, — сказал он наконец. — Допустим, вы говорите правду. Но тогда возникает вопрос. Почему вы появились именно здесь? Почему именно сейчас?

— Может, меня выбросило, когда вы уничтожили того Бэрроу? — предположила я. — Может, это какая-то остаточ-

ная магия? Или портал? Я не знаю. Я вообще не знаю, как работает магия! У нас её нет!

— Это мы уже выяснили, — сухо заметил он.

— Тогда хватит на меня рычать! — я повысила голос, и собственный крик отозвался болью в виске. Я поморщилась.
— Чёрт. Голова.

Мира немедленно оказалась рядом.

— Вам нужно лечь. Вы ещё не восстановились.

— Я не лягу, пока он не перестанет смотреть на меня как на врага народа.

Киан, который всё это время молча переводил взгляд с ректора на меня и обратно, наконец не выдержал.

— Да хватит уже! — рявкнул он. — Ректор, она явно не шпионка. Посмотрите на неё! У неё сотрясение мозга, она из другого мира, она только что узнала, что её дядя (или кто он ей?) — злодей, и её единственная реакция — шутить и просить кофе. Если бы она была шпионкой, она бы действовала иначе. Или вы думаете, что Архитектор послал бы такую?

— Киан прав, — поддержала Мира. — Магистр Вэлл, я понимаю вашу осторожность. Но её появление может быть не угрозой. Может быть, это... — она замялась, — следствие. Остаточная связь. Когда мы уничтожили ядро Цитадели, могла высвободиться энергия, которая выдернула её сюда. Она — кровная родственница. Этого могло хватить.

Вэлл молчал. Долго. Очень долго. Потом перевёл взгляд на меня.

— Анна Бэрроу, — произнёс он медленно. — Если вы ляжете, я узнаю. И тогда последствия будут гораздо серьёзнее, чем просто разговор.

— Я не лгу, — сказала я. — И я готова ответить на любые ваши вопросы. Но, пожалуйста, можно сначала кофе? И, может быть, какую-нибудь еду? Я не ела трое суток, и ещё немного — я начну жевать мебель.

Киан фыркнул. Мира улыбнулась. И даже Вэлл — клянусь, я это видела — на долю секунды прикрыл глаза, словно признавая, что я невыносима. Но в глубине его глаз всё ещё тлела настороженность.

— Хорошо, — сказал он. — Завтрак. Потом — разговор. Полный. Без утайки.

— Договорились, — я протянула ему руку. Он посмотрел на неё так, словно я предлагала ему ядовитую змею. Но всё же пожал. Коротко, твёрдо.

И в этот момент я вдруг кое-что осознала. Он держал меня за руку ровно секунду. Но за эту секунду я почувствовала тепло. Настоящее, живое тепло. То самое, которое я помнила из сна.

И по его взгляду я поняла: он тоже это почувствовал.

— Я пришлю завтрак в кабинет, — сказал Вэлл, отпуская мою ладонь и отступая на шаг. — Мира, Киан — останьтесь. Я скоро вернусь.

Он развернулся и вышел. Его спина была прямой, как клинок. Но что-то в его походке выдавало напряжение.

Когда дверь закрылась, я выдохнула.

— Вот это да, — сказал Киан. — Вы только что устроили ректору эмоциональные качели. Я аплодирую. Серьёзно.

— Я не устраивала, — буркнула я. — Я просто хотела представиться.

— С фамилией Бэрроу, — покачала головой Мира. — Вы не могли выбрать фамилию похуже. Честное слово. Бэрроу. Ну надо же.

— Я не выбирала.

— Знаете, в этом что-то есть. Вы — кровная родственница Архитектора. Может быть, именно поэтому вы здесь. Может быть, ваша судьба связана с Академией не меньше, чем судьба ректора.

— Только не говорите мне про судьбу, — я поморщилась. — Я в неё не верю. Я верю в факты, улики и показания свидетелей. Всё остальное — романтическая чушь.

— Вам придётся пересмотреть свои взгляды, — усмехнулась Мира. — Здесь, в Сомнии, романтическая чушь часто оказывается правдой.

Киан подошёл ко мне и без лишних церемоний уселся на подлокотник дивана.

— Слушайте, Анна-из-Москвы. Я не знаю, почему вы здесь и кто вы такая. Но раз уж вы остаётесь, вам понадобятся друзья. Мы с Мирой — отличные друзья. Правда, Мира?

— Иногда, — сухо ответила Мира.

— Иногда — это уже неплохо. Кстати, вы говорили, что танцуете? Что-то там с пилоном?

— Pole dance, — поправила я. — Да. А что?

— Ничего. Просто пытаюсь представить. — Он мечтательно закатил глаза. — Знаете, у нас в Академии есть спортивный зал. И там, кажется, есть шест для упражнений...

— Киан! — Мира отвесила ему подзатыльник. — Что за неуместные фантазии? Она ещё не оправилась!

— Ай! Я просто спросил! Может, она захочет преподать мастер-класс! Это же культурный обмен!

Я рассмеялась. Честное слово, несмотря на разбитую голову, несмотря на злого ректора и на то, что я только что узнала о своём преступном родственнике, я смеялась. Потому что эти двое — серьёзная умница-Мира и невыносимый балагур-Киан — были такими живыми, такими настоящими, что страх отступал.

Может, попасть в другой мир было не так уж плохо?

Дверь открылась, и в кабинет зашёл... не знаю, кто. Какой-то служащий с подносом. На подносе стояли чашки, тарелки, и — о чудо — пахло кофе. Настоящим кофе.

— А вот и завтрак, — объявил Киан. — Ну что, Анна Бэрроу, добро пожаловать в Академию Сомния.

Я взяла чашку кофе, вдохнула аромат и улыбнулась.

— Спасибо. И, кстати... — я отхлебнула кофе и зажмурилась от удовольствия. — У вас тут отличный кофе. Уже плюс.

— Это только начало, — пообещала Мира. — Когда вы попробуете наши пирожные...

— Пирожные? — я оживилась. — У вас есть пирожные?

— Буфет Академии — легендарное место, — заверил Киан. — Пирожные там божественные. В отличие от кофе, который там отвратительный. Но ректорский кофе — другое дело.

— Тогда договорились. Сначала — завтрак. Потом — пирожные. А потом — ректор со своими вопросами. Надеюсь,

к тому времени он перестанет на меня злиться.

— Не перестанет, — сказала Мира честно. — Он слишком долго ненавидел эту фамилию. Но, может быть, вы заставите его посмотреть на неё иначе.

— Может быть. — Я подняла чашку, как будто произносила тост. — За то, чтобы фамилия Бэрроу перестала быть проклятием.

Киан поднял свою чашку.

— За новых друзей.

Мира улыбнулась и присоединилась.

— За разгадки тайн.

И мы выпили. Кофе был действительно отличным. Как и компания.

А где-то за дверью, в коридоре, ректор Дарион Вэлл стоял, прислонившись спиной к стене, и слушал. До него доносились обрывки смеха, звон чашек и её голос — живой, насмешливый, совершенно не похожий на голос врага.

Он закрыл глаза.

Бэрроу. Снова Бэрроу. Он уничтожил одного. И вот — появляется другая. Родственница. Кровь от крови.

Но почему, почему она так чертовски жива? Почему она смеётся? Почему от её улыбки у него теплеет где-то под рёбрами?

Он не знал. И это было самое страшное.

Он открыл глаза, отлепился от стены и пошёл прочь. У него были вопросы. И он собирался получить на них ответы.

Даже если для этого придётся снова войти в её сон.

Визуалы

Ректор Вэлл

Анна Бэрроу

Глава 3. Договор.

Глава 3. Договор.

Утро. Гостевая комната в восточном крыле Академии

Прошло два дня с моего пробуждения, а я всё ещё не могла привыкнуть к тому, что, просыпаясь, вижу над головой не облупившийся потолок московской квартиры, а высокие каменные своды, расписанные созвездиями, которых не существует на Земле. Впрочем, жаловаться было грех. Мне выделили гостевую комнату — небольшую, но уютную, с настоящей кроватью (не диваном!), письменным столом и даже ванной с горячей водой. Горячая вода! В магической академии! Это было почти так же прекрасно, как кофе, который мне приносили каждое утро.

За эти два дня я успела немного освоиться. Мира Торн, которая, кажется, взяла надо мной негласное шефство, провела краткий ликбез: Академия Сомния — главное учебное заведение мира Гегемонии, где обучают работе со снами. Есть три основных факультета: Навигаторы (те, кто прокладывает маршруты в чужих снах), Стражи (те, кто защищает сознание от вторжений) и Демиурги (те, кто создаёт сны — архитекторы подсознания). Есть ещё куча кафедр, специали-

заций и подразделений, но я пока запомнила только эти три.

Лекс Карвен и Алиса Эш — та самая пара, о которой Мира рассказывала с особой теплотой, — уехали на каникулы к родителям Алисы. «Они заслужили отдых», — сказала Мира, и по её тону я поняла, что в истории этих двоих было что-то грандиозное. Что ж, познакомлюсь позже.

Киан Донован — тот самый рыжий балагур — оказался лучшим другом Лекса и по совместительству главной головной болью Мира. Он появлялся в самый неожиданный момент, всегда с шуткой наготове и с неизменным предложением «помочь». Мира отбивалась от него с упорством, достойным лучшего применения, но я заметила, что её отповеди становились всё менее язвительными и всё более... тёплыми? Впрочем, я не лезла. У них были свои отношения, у меня — свои проблемы.

А проблем было две. Первая — я понятия не имела, как вернуться домой. Вторая — ректор Дарион Вэлл.

С того самого разговора в кабинете он не появлялся. Мира говорила, что он «занят расследованием обстоятельств моего появления». Я подозревала, что он просто не хочет меня видеть. Фамилия Бэрроу действовала на него как красная тряпка на быка — он старался это скрыть, но я-то видела. Я

следователь, в конце концов. Читать лица — моя профессия.

И всё же, когда этим утром в мою дверь постучали и посылный передал записку с лаконичным «Жду вас в кабинете в 10:00. Д.В.», моё сердце забилося быстрее. Не только от страха. От чего-то ещё.

Ладно, Аня, признайся хотя бы себе: он тебе нравится. Этот ледяной ректор с серыми глазами, который смотрит на тебя как на врага и одновременно как на загадку. Нравится. Чертовски. Даже несмотря на то, что он тебя подозревает.

Я натянула свою одежду — ту самую, в которой меня нашли. Синие джинсы, белая рубашка, кроссовки. Мира предлагала мне что-то из местного гардероба, но я отказалась. Во-первых, моя одежда была единственной ниточкой, связывающей меня с домом. Во-вторых, она была удобной. В-третьих — и это было самое важное, — я не собиралась притворяться той, кем не являюсь.

Я — Анна Бэрроу. Следователь из Москвы. Попаданка. Племянница главного злодея. И я иду к ректору.

Ровно в десять я стояла перед дверью — видно, что новой, из светлого дерева, которая, по словам Миры, заменила старую после того, как её выбил Лекс Карвен. Я усмехнулась

своим мыслям и постучала.

— Войдите.

Голос низкий, ровный. Ничего не выражающий.

Я вошла.

Кабинет был огромным, залитым утренним светом, с книжными шкафами до потолка и моделью Солнечной системы, в которой вместо планет вращались странные перламутровые сферы. Вэлл сидел за столом. Без пиджака, в белоснежной рубашке с закатанными до локтей рукавами. На запястье блеснул серебряный браслет — точно такой же, какой я видела во сне.

При мысли о сне я чуть не споткнулась. Чёрт. Соберись, Бэрроу.

— Доброе утро, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал безопасно. — Вызывали?

— Вызывал. — Он указал на стул для посетителей. — Присаживайтесь.

Я села, закинув ногу на ногу, и приготовилась слушать.

Вэлл отложил перо и посмотрел на меня. Его глаза сегодня были не ледяными. Скорее — задумчивыми. Он разглядывал меня так, словно впервые видел.

— Я провёл расследование, — начал он. — Того, что вы рассказали. Москва. Ваша работа. Ваша бабушка.

— И?

— Всё подтверждается. По крайней мере, та часть, которую можно проверить. Ваш рассказ о погоне, о яме, о падении. Это согласуется с тем, что мы знаем о межмировых разломах. Энергия, высвободившаяся при уничтожении Цитадели Архитектора, могла создать спонтанный портал в месте с подходящими условиями. Яма, в которую вы упали, вероятно, была таким местом. Пересечением реальностей.

— То есть меня затянуло в портал, — медленно проговорила я. — Просто потому, что я оказалась не в то время не в том месте.

— Именно. А то, что вы — кровная родственница Ала-на Бэрроу, могло усилить притяжение. Вы стали якорем для остаточной магии.

— Якорь, — повторила я. — Звучит как-то не очень. Как будто меня использовали.

— Возможно, — он не стал смягчать. — Но скорее всего, это была случайность.

Повисла пауза. Я переваривала услышанное. Случайность. Я попала в другой мир по случайности. Не по пророчеству, не по чьему-то злому умыслу. Просто шла не там, упала не туда.

— Это, — сказала я наконец, — самая нелепая история попадания, которую я когда-либо слышала.

— Однако она правдива.

— Да уж. Правдивее некуда. — Я вздохнула. — И что теперь? Вы отправите меня домой?

Вэлл помолчал. Потом сказал:

— Это невозможно.

— В смысле — невозможно?! — я подалась вперёд. — Как это — невозможно? Вы же маги! Колдуны! Сновидцы! Вы можете проникать в чужие головы — неужели не можете

открыть портал обратно?

— Портал был спонтанным. Мы не знаем, как его воспроизвести. — Его голос был ровным, но я услышала в нём нотку сожаления. — Разлом закрыт уже много лет. Технологии межмировых перемещений утеряны. Возможно, когда-нибудь мы найдём способ. Но не сейчас.

Я откинулась на спинку стула. Чёрт. Чёрт, чёрт, чёрт.

— То есть я застряла здесь.

— На неопределённое время — да.

Я замолчала. В голове крутился миллион мыслей. Мама. Работа. Мазовецкий. Незаконченное дело о контрабанде. Моя квартира с недопитым чаем на кухне. Весь мой мир — оставленный, недостижимый.

— Я не могу просто сидеть и ждать, — сказала я. — Я сойду с ума.

— Я это понимаю. — Вэлл поднялся из-за стола и подошёл к окну. — Именно поэтому у меня есть предложение.

— Какое?

Он обернулся.

— Вы остаётесь в Академии. В качестве гостя. Мы предоставим вам комнату, питание, доступ к библиотеке и учебным материалам. Вы сможете изучать наш мир, нашу магию, наши обычаи. А я... — он сделал паузу, — я буду изучать вас.

— Изучать меня? — я приподняла бровь. — В каком смысле?

— В прямом. Вы — иномирянка. Ваше сознание не затронуто магией Гегемонии. Вы — уникальный объект для исследований. Кроме того, ваша связь с Аланом Бэрроу может таить в себе опасность, о которой мы пока не знаем.

— То есть я для вас — подопытный кролик? — в моём голосе прозвенела сталь.

— Я бы назвал это «сотрудничеством», — спокойно ответил он. — Вы получаете защиту, знания и возможность жить полноценной жизнью, пока мы ищем способ вернуть вас домой. Я получаю доступ к вашему подсознанию для наблюдения.

— Доступ к подсознанию, — повторила я. — Это значит — вы снова будете входить в мои сны?

— Да. Каждую ночь.

У меня внутри всё перевернулось. Каждую ночь. Он будет приходить в мой сон. Каждую чёртову ночь.

— И что вы будете там делать? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Изучать мои сны? Искать угрозы?

— В том числе. А также наблюдать за вашим ментальным состоянием. Вы перенесли сильнейший шок. Ваше подсознание может реагировать неожиданно. Я должен убедиться, что вы не представляете опасности ни для себя, ни для окружающих.

— И всё?

— И всё.

Я смотрела на него. Он стоял у окна, прямой, напряжённый, и явно ждал моей реакции. Интересно, чего он ждал? Крика? Возмущения? Отказа?

— Хорошо, — сказала я.

Вэлл моргнул. Явно не ожидал такого быстрого согласия.

— Хорошо?

— Да. Я согласна. Но у меня есть условия.

— Какие?

— Первое: вы не лезете в мои воспоминания. Без моего разрешения. Вы можете наблюдать за моими снами, но не копаться в прошлом. Там есть вещи, которые вас не касаются.

— Принято.

— Второе: я хочу учиться. Не просто читать книги в библиотеке. Я хочу ходить на лекции. Я следовательно, ректор Вэлл. Я привыкла работать с информацией. Если я застряла в вашем мире, я хочу понять, как он устроен. И возможно, — я усмехнулась, — я смогу быть полезной. В конце концов, у вас тут, кажется, регулярно случаются заговоры и катастрофы. Лишний следователь не помешает.

В его глазах мелькнуло что-то похожее на уважение.

— Хорошо. Я распоряжусь, чтобы вас внесли в списки вольнослушателей.

— И третье, — я поднялась и шагнула к нему. — Вы перестанете смотреть на меня как на врага. Да, я Бэрроу. Да, мой покойный дядя был психом. Но я — не он. Я Анна. И если мы будем работать вместе, вам придётся мне доверять. Хотя бы немного.

Вэлл долго смотрел на меня. Потом медленно кивнул.

— Я попробую.

— Уже неплохо. — Я протянула руку. — Тогда договорились?

Он пожал её. Тепло его ладони обожгло кожу.

— Договорились.

Вечер того же дня. Буфет Академии

— Он сказал «каждую ночь»? — Мира поправила очки и посмотрела на меня с профессиональным интересом, за которым, впрочем, пряталось беспокойство. — Каждую ночь

будет входить в ваш сон?

— Именно так. — Я откусила кусок пирожного. Пирожные в буфете действительно были божественными. — И знаете, что самое странное? Я не против.

— Не против? — Киан, сидевший рядом с Мирой, поднял бровь. — Он же мужик. Он будет шариться в ваших снах. Там может быть... ну, всякое.

— Я знаю, что у меня в голове, — отрезала я. — Если он хочет это изучать — пусть. Мне скрывать нечего.

Кроме того факта, что я думаю о нём чаще, чем хотелось бы. Но это я оставлю при себе.

— Это очень по-научному, — заметила Мира. — Вы прямо как я. Помню, когда я решила изучить феномен поцелуя...

Я поперхнулась чаем.

— Феномен чего?

— Поцелуя, — спокойно повторила Мира. — Я никогда не целовалась. Ну, то есть вообще. И мне стало интересно, что это такое с научной точки зрения. Реакция тела, выброс

гормонов, нервные импульсы. Я хотела задокументировать это. Как исследователь.

Киан, который только что тянулся за булочкой, замер. Его рука зависла в воздухе.

— Ты никогда не целовалась? — переспросил он с таким лицом, словно ему только что сообщили, что небо на самом деле зелёное.

— Никогда. Моя специализация — сны, а не романтика. — Мира пожала плечами. — Но я решила, что это пробел в моём образовании. И как любой пробел, его нужно заполнить.

— И как ты собиралась его заполнить? — осторожно спросила я, уже предчувствуя ответ.

Мира посмотрела на Киана. Спокойно, оценивающе. Как на лабораторную мышь.

— Киан, — сказала она, — ты не хочешь поучаствовать в эксперименте?

Киан подавился булочкой. Я застучала его по спине, пытаясь не рассмеяться.

— В каком... э-э-э... эксперименте? — выдавил он, вытирая слёзы.

— Я хочу проверить гипотезу. Гипотеза: поцелуй вызывает выброс эндорфинов, усиление сердцебиения и изменение температуры тела. Мне нужен объект. Ты подходишь.

— Я... подхожу?

— Да. Ты здоров, молод, физически привлекателен. — Мира сказала это таким тоном, словно зачитывала данные из учебника. — К тому же, ты постоянно говоришь о моих глазах и предлагаешь «залезть ко мне в душу». Тебе это будет приятно. Мне — полезно для науки.

Киан смотрел на неё с таким видом, словно земля разверзлась у него под ногами и оттуда вышел единорог.

— Ты... ты хочешь меня поцеловать? — уточнил он. — Прямо сейчас?

— Не прямо сейчас. После ужина. В парке. Там подходящее освещение, и меньше свидетелей.

— Ты уже и освещение выбрала?!

— Я всё продумала.

Я не выдержала и расхохоталась. Честное слово, эта девушка была чем-то невероятным. Мира Торн — исследователь до мозга костей, даже в вопросах романтики.

— Ладно, — сказала я, поднимаясь. — Кажется, вам двоим нужно обсудить детали эксперимента. А я, пожалуй, пойду. У меня сегодня важная ночь.

Киан всё ещё сидел с открытым ртом, переводя взгляд с меня на Миру и обратно. Мира же спокойно допивала чай.

— Удачи, — сказала она мне. — И если ректор сделает что-то не то — кричите во сне погромче. Я услышу.

— Не думаю, что до этого дойдёт. Спокойной ночи.

Я вышла из буфета, оставляя их вдвоём. И если честно, мне было до смерти любопытно, чем закончится этот «эксперимент». Но сейчас нужно было думать о другом.

Этой ночью в мой сон придёт Дарион Вэлл.

Ночь. Мой сон

Я ждала его.

Сон был моим собственным — я научилась это контролировать. Не полностью, но достаточно, чтобы выстроить декорации. Никаких чужих городов, никаких кошмаров. Просто комната. Спальня — та самая, из прошлого раза. Я стояла посреди неё, скрестив руки на груди, и смотрела на дверь.

Он появился не через неё. Он просто возник — из тени, из воздуха, из самой ткани сна. Высокий, в своём неизменном чёрном костюме, с серыми глазами, в которых мерцали серебряные искры.

— Вы ждали, — констатировал он.

— Ждала. И даже приготовилась. — Я улыбнулась. — Хотите посмотреть?

— На что?

— На то, как я снимаю стресс после работы. — Я указала на пилон. Да, я создала его специально. Шест, уходящий в потолок спальни — в моём сне нет ограничений. — Это pole dance. Танец на пилоне. Я занимаюсь этим пять лет.

Вэлл перевёл взгляд на шест, потом на меня. Его лицо было непроницаемым, но я заметила, как он чуть сжал челюсть.

— Вы будете танцевать? — спросил он.

— Ага. А вы будете смотреть. Это же часть вашего «наблюдения за ментальным состоянием», не так ли?

— Я не думал, что это будет... такое.

— А вы думали, я буду спать и видеть розовых пони? — я усмехнулась. — Нет, ректор Вэлл. Если вы хотите знать, что у меня в голове, — смотрите. Только не отвлекайтесь.

И я начала.

Музыка — я создала её в своём сне, низкий, тягучий бит, — заполнила пространство. Я обхватила шест одной рукой и медленно, очень медленно пошла по кругу.

Первое правило pole dance: это не просто танец. Это история. И я рассказывала свою.

Я обхватила шест обеими руками и подтянулась. Моё тело поднялось в воздух — ноги оторвались от пола, бёдра обхватили холодный металл. Я закрутилась, медленно, плавно,

и волосы рассыпались по плечам. В реальности я танцевала в коротких шортах и топе. Во сне на мне было чуть больше — и чуть меньше: кружевной топ, облегающий каждый изгиб, и крошечные шорты. Я специально создала этот образ.

И я видела, как он смотрит.

Вэлл замер. Его спина стала ещё прямее, если это вообще возможно. Руки он сцепил за спиной. Но его глаза... Его глаза следили за каждым моим движением. Я видела, как его кадык дёрнулся. Один раз. Второй.

— С вами всё в порядке? — пропела я, делая оборот вокруг пилона. — Вы как будто напряжены.

— Я в полном порядке, — ответил он. Голос был ровным. Почти.

— Правда? А мне кажется, вы покраснели.

— Здесь темно.

— Здесь мой сон. Здесь достаточно светло.

Он промолчал. Я засмеялась и отпустила шест одной рукой, вытягиваясь параллельно полу. Мышцы напряглись,

удерживая вес. Это была поза «горизонт» — одна из моих любимых.

— Впечатляет, — сказал он.

— Спасибо. — Я вернулась в вертикальное положение и снова начала кружиться. — Знаете, я не всегда была следователем. Когда-то я думала, что стану танцовщицей. Но потом поняла, что ловить преступников веселее. Хотя иногда... — я сделала резкий оборот и зацепилась ногами за шест вниз головой, — иногда я скучаю по сцене.

Теперь я висела перед ним вниз головой, и наши лица оказались вровень. Его глаза расширились — на долю секунды, но я заметила.

— Вам нравится? — спросила я.

— Это... — он запнулся, подбирая слово. — Необычно.

— Необычно, — повторила я. — Хорошее слово. Безопасное. Вы всегда так дипломатичны?

— Я ректор. Дипломатичность — часть работы.

— А честность?

— Честность тоже.

Я отцепилась от шеста и мягко приземлилась перед ним. Мы стояли так близко, что я чувствовала запах его парфюма — гроза и табак. Тот самый, из первого сна.

— Тогда скажите честно, — я посмотрела ему в глаза. — Вы всё ещё считаете меня угрозой?

Он выдержал мой взгляд.

— Не угрозой. Но вы... отвлекаете.

— Отвлекаю?

— От работы. От... — он замолчал.

— От чего?

— От здравого смысла.

Я улыбнулась. Медленно. Хищно.

— Знаете, ректор Вэлл, — я провела пальцем по его галстуку, — если вы хотите изучать моё подсознание, вам при-

дётся привыкнуть к таким... отвлечениям. Я — Анна Бэрроу. И если вы вторгаетесь в мои сны, вы будете видеть то, что у меня в голове. А у меня в голове — танцы, погони, допросы и... — я подалась вперёд и прошептала ему на ухо, — вы.

Он не отшатнулся. Но я почувствовала, как напряглись его плечи.

— Это опасно, — сказал он хрипло.

— Что именно?

— То, что вы говорите. То, что вы делаете. То, как вы на меня смотрите.

— А как я на вас смотрю?

Он не ответил. Вместо этого он отступил на шаг — осторожно, словно пересиливая себя.

— Думаю, на сегодня достаточно, — произнёс он.

— Достаточно для чего?

— Для наблюдения. — Он поправил галстук. — Продолжим завтра.

— Как скажете, ректор.

Он исчез. Просто растаял в воздухе, оставив меня одну в моей спальне, с пилоном и с ощущением, что я только что одержала маленькую победу.

Я проснулась в своей комнате. За окном занимался рассвет. Сердце колотилось. Я лежала и смотрела в потолок, пытаясь переварить то, что произошло.

Он был в моём сне. Я танцевала перед ним. Я практически призналась ему в том, что он меня волнует. И он — он тоже был взволнован, я видела это, несмотря на всю его ледяную броню.

Чёрт возьми. Это плохо. Это очень, очень плохо. Потому что если я в него влюблюсь, это будет катастрофа. Между нами кровь. И доверия не больше, чем между кошкой и собакой.

Но почему тогда так хочется, чтобы наступила следующая ночь?

Следующее утро. Беседка в парке Академии

Я нашла Миру в парке. Она сидела в беседке с блокнотом в руках и что-то быстро писала. Очки съехали на кончик носа, волосы растрепались, и вид у неё был необычно задумчивый.

— Доброе утро, — я села рядом. — Как прошёл эксперимент?

Мира подняла на меня глаза. И — клянусь — на её щеках проступил лёгкий румянец.

— Эксперимент прошёл успешно, — сказала она. — Гипотеза подтвердилась.

— Да ну? — я не удержалась от улыбки. — Рассказывай.

Мира отложила блокнот.

— Мы встретились у восточной башни. Я выбрала это место из-за низкой проходимости и подходящего уровня освещения.

— Очень романтично, — не удержалась я.

— Это был научный эксперимент, — строго сказала Мира. — Романтика не входила в задачи.

— Хорошо-хорошо. Продолжай.

— Киан пришёл вовремя. Это было неожиданно. Он обычно опаздывает. Я объяснила ему протокол: сначала — короткий контакт губ, затем — более продолжительный, с измерением пульса до и после.

— Ты измеряла пульс?!

— Да. У меня был амулет-хронометр. — Мира поправила очки. — Он очень удобен для таких целей.

Я представила эту картину: Мира с секундомером в одной руке и Кианом в другой, и чуть не поперхнулась от смеха.

— И как? — спросила я, сдерживаясь. — Что показал амулет?

— Пульс у обоих участников повысился сильнее, чем я ожидала. — Она нахмурилась. — Мой — на тридцать ударов в минуту. У Киана — на тридцать пять. Это статистически значимое отклонение.

— Ещё бы. Ты сама-то что почувствовала?

Мира замолчала. Это было так на неё не похоже — Мира Торн, у которой всегда был готов ответ, вдруг потеряла дар речи.

— Это было... — она подбирала слова, — намного приятнее, чем я думала. У него мягкие губы. И руки. И он... он целуется лучше, чем описано в учебниках.

— В учебниках?!

— Я читала литературу. Трактаты по физиологии. Но на практике всё иначе.

— Конечно, иначе. — Я улыбнулась. — Это же поцелуй. А что было потом?

— Я сказала ему, что эксперимент окончен. Что мы не встречаемся. Что это было чисто научное исследование.

— А он?

— Он сказал... — Мира запнулась. — Он сказал: «Я знаю. Но я всё равно самый счастливый человек в Гегемонии». И ушёл. Насвистывая.

Я рассмеялась.

— Похоже на Киана.

— Это бессмысленно! — Мира всплеснула руками. — Я же ясно сказала: мы не встречаемся. Это был эксперимент. А он всё равно ходит и улыбается, и сегодня утром принёс мне кофе в библиотеку. С цветами. Зачем ему это?

— Может, потому что ты ему нравишься? По-настоящему? Не как объект для экспериментов?

Мира сняла очки и принялась их протирать — верный признак того, что она нервничает.

— Это нерационально, — сказала она тише. — У меня нет времени на отношения. У меня исследования, работа в архиве, помощь ректору...

— И всё же, — я наклонилась к ней, — ты ведь хочешь провести ещё один эксперимент? С поцелуем? А может и больше?

Мира не ответила. Но румянец на её щеках стал ярче.

— Я так и знала, — усмехнулась я.

— Это не значит, что мы встречаемся! — быстро добавила она. — Это значит, что я собираю дополнительные данные.

— Конечно. Дополнительные данные.

Мы посидели в тишине. Я думала о своём — о прошедшей ночи, о Вэлле, о договоре. Мира — о своём. О рыжем Страже, который вдруг перестал быть просто «рыжим».

— Знаешь, — сказала я наконец, — кажется, мы обе влипли.

— Влипли? — Мира подняла бровь.

— Ну да. Ты — в свой эксперимент, который явно выходит из-под контроля. А я — в договор с ректором, который каждую ночь будет смотреть, как я танцую на пилоне.

Мира моргнула:

— Вы танцевали перед ректором? На пилоне?

— Ну да. Он хотел увидеть, что у меня в голове. Я показала.

— И как он отреагировал?

— Сказал, что это «необычно».

Мира фыркнула:

— Это Вэлл в своём репертуаре. «Необычно» — значит, вы его до смерти напугали. Или впечатлили. Или и то, и другое.

— Думаешь?

— Уверена. Ректор Вэлл не умеет выражать эмоции словами. Но если он не ушёл из вашего сна в первые же десять секунд, значит, ему было интересно.

Я задумалась. Она была права. Он мог уйти в любой момент. Это был мой сон, но он был сильнее — он мог разорвать контакт, если бы захотел. Но он не ушёл. Он смотрел. Он краснел (хотя отрицал это). Он позволил мне приблизиться. И ушёл только тогда, когда я перешла черту.

Может быть, не всё так безнадежно?

— Ладно, — сказала я, поднимаясь. — Пойду-ка я на лекцию. Грейвс, кажется, сегодня ведёт «Ментальную этику». Хочу послушать.

— Вы уже записались вольнослушателем?

— Да. Вэлл распорядился. Буду сидеть на лекциях и делать вид, что я всё понимаю.

— Получится не сразу, — предупредила Мира. — Но вы справитесь. Вы умная.

— Спасибо. — Я улыбнулась. — Увидимся позже. И... Мира?

— Да?

— Если Киан принесёт тебе ещё букет — не выбрасывай. Иногда эксперименты приводят к неожиданным открытиям.

Она ничего не ответила. Но её губы дрогнули в улыбке.

Я шла по аллее к главному корпусу и думала о том, как странно всё складывается. Я — следователь из Москвы, племянница поверженного Архитектора, — теперь вольнослушательница магической Академии. Мой временный опекун — ледяной ректор, который по ночам смотрит, как я танцую. Мои новые друзья — исследовательница, которая целуется с секундомером, и Страж, который счастлив быть лаборатор-

ной мышью.

И где-то впереди — новая лекция, новые знания, новая ночь.

Я не знала, что будет дальше. Но одно знала точно: скучно не будет.

Глава 4. Искушение ректора

Глава 4. Искушение ректора

Тремя днями ранее. Момент, когда она назвала свою фамилию

— Анна Бэрроу.

Мир сузился до одной точки. До фамилии, которая стала проклятием.

Бэрроу. Алан Бэрроу. Архитектор. Убийца моей матери. И вот теперь — она. Стоит передо мной. В моём кабинете. С невинным видом и улыбкой, от которой у меня что-то переворачивается внутри.

Я смотрю на неё и не могу понять, что чувствую. Ярость? Да. Она поднимается откуда-то из живота — горячая, тёмная, знакомая. Та самая ярость, которая вела меня семна

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.